

ББК 83.3(2Рос=Рус)6-8Шолохов М.А.
УДК 821.161.1

С.А. Тюрморезова

**ПОЭТИЧЕСКИЕ ОБРАЗЫ
И РЕМИНИСЦЕНЦИИ
В РОМАНЕ
М.А. ШОЛОХОВА
«ТИХИЙ ДОН»**

Рассматривается использование М.А. Шолоховым поэтических образов и реминисценций в художественном тексте романа «Тихий Дон». Сделана попытка определить поэтические источники реминисценций, их смысл и характер. Проведён анализ данных художественных средств и их функций, рассмотрены закономерности в отборе и введении реминисценций в художественный текст, раскрыты их роль и значение.

Ключевые слова: *поэтический образ, реминисценция, цитата, перекличка, перефразировка.*

Тюрморезова Светлана Александровна – заместитель руководителя по учебно-методической работе автономного учреждения среднего профессионального образования «Сургутский профессиональный колледж»
Тел.: 8 (3462) 23-35-72;
8-909-042-37-97
E-mail: tsa.61@mail.ru

Слово «реминисценция» имеет латинские корни (от позднелат. слова *reminiscentia*) и несёт в себе значение «воспоминания, припоминания, напоминания», всего того, что связано с нашей памятью, а точнее с действиями, ею производимыми, «в поэтическом и музыкальном произведениях – черты, наводящие на воспоминания о другом произведении». [Словарь..., с. 409]

Под реминисценцией обычно понимается явное или скрытое воспроизведение автором чужих образов, повторение фрагментов чужого текста. Также реминисценциями принято считать присутствующие в художественных текстах отсылки к предшествующим культурно-историческим фактам, авторам произведений. Реминисценции рассчитаны на память и ассоциативное восприятие читателя: вспомнив о чём-то знакомом, он сможет лучше понять то, что хотел сказать автор.

Роман М.А. Шолохова «Тихий Дон» наполнен сознательными и скрытыми реминисценциями из самых различных литературных произведений. Среди них мы находим и поэтические реминисценции. Среди их множества обнаруживаются такие разновидности, как упоминание имен поэтов, образы предшествующей поэзии, прямая цитата и перефразировка.

Рассмотрим некоторые фрагменты эпопеи, в которых присутствуют вышеупомянутые художественные средства, и определим поэтические тексты-источники и основные функции поэтических реминисценций в шолоховском тексте.

В эпизоде приезда в Новочеркасск представителей Военно-революционного комитета во главе с Подтелковым (глава 10, ч. 5, кн. 2) Шолохов процитировал строки из стихотворения Некрасова «Блажен незлобивый поэт» («Он ловит звуки одобренья не в сладком ропоте хвалы, а в диких криках озлобленья...») [Некрасов, с. 97]. В данном фрагменте читаем: *«Вот они, мерзавцы, предатели казачества! — крикнул с облитого толпой перрона какой-то длинноусый офицер. Подтелков побледнел, глянул на Кривошлыкова чуть растерянным, косящим взглядом. Тот выходил следом за Подтелковым, улыбаясь, шепнул:*

- «Мы слышим звуки одобренья не в сладком ропоте хвалы, а в диких криках озлобленья...» Слышишь, Федор?

И Подтелков, хотя и не расслышал последних слов, все же улыбнулся». [Шолохов, кн. 1 и 2, с. 480]

В этих немногих строчках – целый роман о мужестве и бесстрашии, просчётах и ошибках, любви и ненависти, безумии и надежде людей.

Шолохов перефразирует некрасовские строки: он пишет их от первого лица и изменяет слово «ловит» на «слышим». Первое имеет значение «то, что желал бы услышать поэт», второе – «уже слышат». Также М.А. Шолохов изменяет некрасовское «ропот» на «рочот» («ропот» – это преддверие бури, которая может и не состояться, «рочот» – уже сама буря, которая неотвратима).

Эти строки в устах героя «Тихого Дона» являются не только социальной, но и нравственной характеристикой большевиков, которым было свойственно самоотречение во имя идеи всеобщего братства. Эта реминисценция характеризует Кривошлыкова и Подтёлкова как революционеров-романтиков, так как у них есть вера в то, что существующий мир может быть лучше, чем он есть. В какой-то мере эта чистота помыслов оправдывает героев романа, которые проходят «тернистый путь с своей карающей лирой» [Некрасов, с. 98].

Строки, сказанные Кривошлыковым Подтёлкову, раскрывают трагическую судьбу участников Гражданской войны: в романе у каждой стороны – у красных и у белых – есть своя правда. Эти строки, процитированные Шолоховым, усиливают эмоционально-лирический фон эпизода и выступают в качестве художественного средства для выражения авторской позиции писателя: Гражданская война – величайшая трагедия, чудовищная беда для народа – такова позиция автора «Тихого Дона».

Следующий приём поэтической реминисценции встречается в главе 29-й, 5-й части, 2-й книги романа.

Автор книги описывает ночь накануне казни подтёлковцев. Арестованный Кривошлыков, разговаривая с Подтелковым, говорит:

« - Черт с ними, пускай убивают! И помирать пока не страшно... «Боюсь одного я, что в мире ином – друг друга уж мы не узнаем...» Бу-

дем там с тобой, Федя, встречаться чужие один одному... Страшно!»
[Шолохов, кн. 1 и 2, с. 584]

Здесь герой «Тихого Дона» цитирует строки стихотворения М.Ю. Лермонтова «Они любили друг друга так долго и нежно...»:

*И смерть пришла: наступило за гробом свиданье...
Но в мире новом друг друга они не узнали, —*

перефразируя их с той же целью: для осмысления одной из самых трагических тем в истории России – раскола народа во время Гражданской войны.

Эта цитатная переключка используется писателем и в качестве характеристики персонажей: она показывает, что у большевиков были начала и смыслы, ценности и цели, выходящие за биологические пределы, обладающие значимостью за пределами физического существования, не сводимые исключительно к удовлетворению биологических рефлексов. Ведь человек, в конце концов, меряется своей смертью, масштабом того, за что он готов отдать жизнь. «...трагическое есть высшее и безусловно прекрасное воплощение человека, способного во имя своего, пусть даже заведомо иллюзорного устремления по своей воле пойти на смерть. И именно об этом – “Тихий Дон”», – отмечает В. Кожин. [Кожин, с. 284]

Если у Лермонтова речь идёт о родстве, единении душ, счастье которых так и не состоялось, потому что оказалось утраченным вследствие обоюдной гордыни, то у Шолохова мы видим предсмертное трагическое предчувствие катастрофы будущей разобщённости душ «в мире ином» как результат ложно понятого единения: «братства идейного». Истинные ценности русского человека измеряются другими нравственными императивами. Шолохов гениально почувствовал то, что не спланивало, а, наоборот, разъединяло русский народ: чуждое ему космополитическое братство («Крети / у мира на горле / пролетариата пальцы!» [Маяковский, с. 107]; «Мы на горе всем буржуйам / Мировой пожар раздуем, / Мировой пожар в крови — / Господи, благослови!».) [Блок, с. 237] в отличие от истинно казачьего: высокой духовной общности людей, объединённых сознанием ответственности перед отечеством и потомками, и от народной русской соборности (национального единства), выражающейся в дружном единении людей друг с другом и родной землёй.

Вот почему для русского человека «помирать не страшно». Страшна разобщённость, разъединение народа в результате чуждых ему идей. В этих ложных идеях место Бога занимал человек: Творца подменили тварным.

Эта мысль о национальном единстве с особой силой выражена Шолоховым в финале второй книги в надписи славянского письма, размещённой автором на стене часовни над могилой Валета: «В годину смуты и разврата / Не осудите, братья, брата» [Шолохов, кн. 1 и 2, с. 593].

Шолохов перефразирует строки из стихотворения А. Голенищева-Кутузова. «В годину смут, унынья и разврата...». [Макаров, с. 421]. Писатель, по словам Н. Корниенко, изменяет поэтический текст в двух направлениях: он убирает слово «уныние», как не относящееся к событиям Гражданской войны и заменяет форму личного, лирического обращения «Я» на форму эпического сознания «Мы».

«Тем самым, — пишет Н. Корниенко, — Шолохов, можно сказать, возвращается к исходному для стихотворения Голенищева-Кутузова источнику, а также его языку, а это — Соборные послания апостолов Христа, для которых характерна форма «мы». «Братья» — архетип любого праведного человека, несущего, по словам апостолов, своё и чужое бремя: *«Кто говорит, что он во свете, а ненавидит брата своего, тот ещё во тьме. Кто любит брата своего, тот пребывает во свете, и нет в нём соблазна; А кто ненавидит брата своего, тот находится во тьме, и во тьме ходит, и не знает, куда идёт, потому что тьма ослепила ему глаза»* (1-е Иоанн. 2: 9-11)» [Корниенко, с. 222—223].

Таким образом, перефразируя строки поэта, преобразуя в лирическое обращение к своим соотечественникам, М.А. Шолохов превращает их в нравственный призыв прекратить кровопролитие. Суждение Н.В. Корниенко уместно дополнить, обратив внимание на то, что в этом призыве явственно слышатся слова и Нагорной проповеди: *«Не судите, да не судимы будете»* (Мф. 7,1), слышится голос самого писателя, его размышления и авторская оценка событий Гражданской войны.

Нарушение единства русского народа приводит не только к физическому истреблению друг друга, но и к необратимым последствиям духовного плана: разжиганию «разнузданных и диких инстинктов», пламени страстей, вражды и злобы (недаром, время революции и Гражданской войны писатель, используя перифраз, называет «годиной смуты и разврата»).

Как опасны эти последствия, каким образом проявляются они в человеке, мы увидим в 5-й главе 6-й части 3-й книги «Тихого Дона». Здесь Шолоховым даны, также как и в дневнике убитого студента-казака, несколько поэтических реминисценций. Эта глава описывает двухнедельный отпуск Евгения Листницкого, проведённый в Новочеркасске, в семье ротмистра Горчакова.

Во время короткого отпуска он испытывает чувственное влечение к Ольге Горчаковой, хотя жена товарища и не даёт ему для этого повода.

Любовь Григория к замужней Аксинье М.А. Шолохов опоэтизировал, любовь Листницкого к жене однополчанина даётся через реминисценции пародийно. *«Цельми днями валялся он под яблоней, в оранжево-пыльном холодке, читая газеты, наспех напечатанные на дрянной, обёрточной бумаге, засытая тяжким, неосвежающим сном. Истомную скуку делил с ним красавец пойнтер, шоколадной в белых крапинах масти. Он молчаливо ревновал хозяина к жене, уходил к Листницкому,*

ложился, вздыхая, с ним рядом, и тот, поглаживая его, прочувственно шептал:

*“Мечтай, мечтай... Всё уже и тусклей
Ты смотришь золотистыми глазами...”*

С любовью перебирал все сохранившиеся в памяти, пахучие и густые, как чабрецовый мёд, бунинские строки» [Шолохов, кн. 3 и 4, с. 34].

Интересно отметить, что в приведённых выше строках автор в полной мере проявил свою поэтическую индивидуальность в оценке поэзии И.А.Бунина. Понять, как высоко оценил автор творчество поэта, можно, если вспомнить, что мёд из чабреца в чистом виде встречается очень редко, а самим чабрецом на Руси в период празднования Успения пресвятой Богородицы украшали иконы Божией Матери. Так своеобразно мог оценить бунинскую поэзию только Шолохов.

С помощью процитированных бунинских строк Шолохов раскрывает настроение героя, его душевное состояние. Персонаж «Тихого Дона» томится придуманными чувствами, страстью, физиологией, миражами. Пёс «молчаливо ревновал хозяина к жене», но имел ли право на молчаливое домогательство жены друга, на ревность Листницкий? Цитата из стихотворения Бунина раскрывает торжество гордыни, эгоизм Листницкого: собаку можно прогнать, а ему всё позволено: *«Я человек: как бог...»* [Бунин, с. 263]

Обратим внимание на то, что *«Листницкий сознавал, что стесняет друга, но перейти к знакомым почему-то не захотел»* [Шолохов, кн. 3 и 4, с. 34]. Пытаясь приударить за женой однополчанина, Листницкий читает ей строки А. Блока, и в тексте возникает мотив любовного опьянения.

«Как-то, возвращаясь вечером из городского сада, они шли вдвоём (Горчакова остановили у выхода знакомые офицеры Марковского полка), Листницкий вёл Ольгу Николаевну под руку, тревожил её, крепко прижимая её локоть к себе.

— Что вы так смотрите? — спросила она, улыбаясь.

В низком голосе её Листницкому почудились игривые, вызывающие нотки. Только поэтому он и рискнул козырнуть меланхолической строфой (эти дни одолевала его поэзия, чужая, певучая боль).

Он нагнул голову, улыбаясь, шепнул:

И странной близостью закованный,

Смотрю за тёмную вуаль —

И вижу берег очарованный

И очарованную даль» [Шолохов, кн. 3 и 4, с. 35]

Поэтические строки А. Блока являются в данном эпизоде ключом к его осмыслению. Листницкому, возможно, хотелось представить Ольге своё знакомство с ней как «встречу», предначертанную свыше (*«в час назначенный»*) [Блок, с. 82], но его чувство восходит к двус-

мысленному дачному флирту, ресторанным вечерам с тлетворным духом, миру «*пьяниц с глазами кроликов*».

Сравнение с «кроликами», если вспомнить расхожие представления об этих животных, придаёт чувству блоковского героя оттенок похотливости, что полностью соответствует плотскому желанию Евгения Листницкого. В данном случае функция прямого цитирования строк А. Блока связана с созданием эффекта иронии при столкновении «высоких» образов-цитат с бытовым «сниженным» контекстным окружением.

Проведённое исследование показывает, что в творчестве М.А. Шолохова обнаруживаются такие разновидности реминисценций, как прямая цитата и перефразировка, используются образы предшествующей поэзии. Поэтические реминисценции выполняют функции художественного осмысления действительности и создания художественных образов, позволяя сделать их более живыми, объемными и глубокими.

Литература

- Блок А.А. Собр. соч. в 6 т. Т. 3. М., 1999.
Блок А.А. Избранное. М., 1997.
Бунин И.А. Тропами потаёнными. // Бунин И.А. Стихотворения. М., 1999.
Кожин В.В. Победы и беды России. М., 2002.
Корниенко Н.В. «Сказано русским языком...». Андрей Платонов и Михаил Шолохов: встречи в русской литературе. М., 2003.
Макаров А.Г., Макарова С.Э. Цветок-Татарник : в поисках автора «Тихого Дона»: от Михаила Шолохова к Федору Крюкову М., 2001.
Маяковский В.В. Я сам. Стихотворения. Моё открытие Америки : Соч.: в 2 т. Т.1. М., 1987.
Некрасов Н.А. Стихотворения 1838—1855 гг. // Некрасов Н.А. Полн. собр. соч. : в 15 т. Т. 1. Л., 1981.
Русские поэты: антология: в 6 т. / Пушкин Александр Сергеевич, Глинка Федор Николаевич, Раевский Владимир Федосеевич и др.; сост. В.П. Панов. Т. 2. М., 1991.
Словарь иностранных слов и выражений / авт.- сост. Е.С. Зенович. М., 1998.
Шолохов М.А. Тихий Дон : роман в четырех книгах. Кн. 1 и 2. М., 1991.
Шолохов М.А. Тихий Дон : роман в четырех книгах. Кн. 3 и 4. М., 1991.